

Литературная газета

№ 6 (569)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Среда, 29 января 1936 г.

ВЕЛИКИЙ ДРУГ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Мы чествуем сегодня семидесятилетие Ромэн Роллана — великого гражданина мира, сумевшего пронести свою чистую веру в человека через все бури и невзгоды последних десятилетий Запада.

Несмотря на то, что буржуазия и ее агитаторы всемерно стараются разрушить великие идеи, выкованные в огне общественных переворотов конца XVIII и начала XIX столетий, несмотря на то, что беснующая кампания против советского общества, созданного на развалинах российского капитализма, не утихла, Ромэн Роллан бесстрашно шел своим путем к пролетарской революции, к коммунизму. Роллан стал воплощением лучших культурных традиций человечества.

Чутьем мудрого художника, он в сумерках Европы предчувствовал рождение нового мира.

«Необычная, таинственная Россия, богатая юными революционными силами, радуется надеждой на близкое обновление», — пишет он в начале войны, и высказывает уверенность, что унетенные в Европе малые народности будут «согреты лучами свободы, которую завоюет молодая Россия».

В своих антивоенных памфлетах, разоблачающих шовинистическое безумие немецкой интеллигенции, подписавшейся прусской депешей, Ромэн Роллан ставит ей в пример Максима Горького, всегда разоблачавшего преступления царизма.

Сам великий Роллан являет собою пример для писателей всего мира непримиримой борьбой за освобождение от предрассудков, принятых ему средой и воспитанием.

С революционной непримиримостью выступает Роллан против покорности духа в последней книге «Очарованной души». Идея справедливости, подлинного гуманизма, глубокой веры в силы человека привела Роллана к пролетариату. Он нашел социальную справедливость в баррикадных боях против фашизма.

Идеи интернационального братства, освобожденной от идеалистической оболочки надклассового духа и одетой в броню мировой революции, отдал Роллан все силы борьбы и художника.

Роллан освободился от десятилетней скованности в доспехах «Жан Кристофа», ставших под конец слишком тесными для его творца, и воплотил в замечательных образах «Очарованной души» всю политическую страсть, которой проникнута его борьба с реакцией.

Величайший художник и певец человека будущего, Ромэн Роллан на весь мир провозгласил свою веру в СССР, как первую родину нового человека, новых общественных отношений, где воцаряется та гармония труда и радости, к торжеству которой всю жизнь стремился Роллан.

В том, что создала Великая пролетарская революция и партия Ленина — Сталина в СССР, в том человеке, который растет и творит под руководством великого мастера, создающего новое общество, Роллан пронзительно увидел реальное воплощение лучших идей человечества.

Друг советского народа, в удивительной швейцарской тишине он окружен уважением и любовью миллионов трудящихся и лучшей части интеллигенции мира, — как их товарищ и вдохновитель в борьбе за общественный строй, основанный на разуме и полной человечности. С готовностью заменил он Анри Барбюса на посту председателя мирового антифашистского комитета. В своем письме французским коммунистам он пишет: «Я праздную вместе с вами революцию, идущую вперед на Востоке. Она уже восторжествовала на одной шестой мира, благодаря усилиям наших героических советских братьев. Пусть она обнимет весь мир!».

Мы приветствуем великого юбиляра, нашего лучшего соратника по перу и борьбе, от всей писательской общественности и многомиллионной массы читателей Советского Союза. Мы шлем ему наши приветствия и пожелания и твердо верим, что Роллан увидит дни, когда пролетарская революция восторжествует не только на одной шестой мира, но и всюду, где идет борьба за идеи коммунизма, где подымается знамя Ленина — Сталина.

ГРАЖДАНСКАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Опубликованные в этих «Заметках по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» — «Заметки о конспекте учебника «Новая история» (от 8 и 9 августа 1934 г.) за подписями товарищей И. Сталина, А. Жданова, С. Кирова, являются историческими документами, содержащими принципиальные теоретические и методические указания в деле построения подлинной марксистско-ленинской исторической науки. Эти указания являются программой работы не только для исторического фронта науки, но и для советской науки в целом. Следует подчеркнуть особую важность этих замечаний для историков литературы древнего мира, истории литературы средних веков, истории литературы, истории литературы СССР.

В опубликованном 16 мая 1934 г. постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» указывается, что преподавание истории должно быть основано на изучении курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важнейших исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат. Только такой курс истории может обеспечить необходимые для учащихся доступность, ясность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, повышающие учащегося в марксистскому пониманию истории. Это решение предостерегает от антимарксистского, абстрактно-схоластического, оперировавшего отвлеченными социологическими схемами преподавания истории. В духе указания ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР нужно было составить и учебники, однако некоторые учебники по гражданской истории и антифашистских ошибок, повторяющих ошибки Покровского. В результате ЦК ВКП(б) и Совнарком вынуждены были заняться этим вопросом еще раз и выделить специальную комиссию под председательством товарища А. Жданова для просмотра, корректного улучшения и, в случае необходимости, переделки как уже написанных, так и находящихся в работе учебников по гражданской истории.

В свете этих указаний ЦК ВКП(б) и замечаний тт. И. Сталина, А. Жданова, С. Кирова следует выделить и учебники по истории литературы и преподавания литературы в школах.

«Нам нужен такой учебник истории СССР, — говорится в замечаниях тт. Сталина, А. Жданова, С. Кирова по поводу конспекта по «Истории СССР», — где бы история Великой России не отрывалась от истории других народов СССР — это во-первых, и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общепромышленной и, вообще, мировой истории, — это во-вторых». В таком учебнике история русской литературы выполнена это важнейшее требование? Сейчас над созданием конспекта, по которым будет коллективно составляться история литературы, как доктринальная, так и советской, работают комиссии, выделенные Бюро ЦК ВКП(б) и ЦК ВКП(б). Они обязаны пересмотреть свои конспекты под углом зрения тех указаний, которые дают ЦК ВКП(б) и Совнарком для исторического фронта.

Важнейшую роль в составлении истории литературы СССР, а также учебников по истории литературы, играет правильная периодизация общей истории. В указаниях ЦК дана подлинно марксистско-ленинская периодизация, коренным образом отличная от периодизации, принятой в учебниках буржуазных авторов, которые пересмотреть свое понимание под углом зрения тех указаний, которые дают ЦК ВКП(б) и Совнарком для исторического фронта.

Важнейшую роль в составлении истории литературы СССР, а также учебников по истории литературы, играет правильная периодизация общей истории. В указаниях ЦК дана подлинно марксистско-ленинская периодизация, коренным образом отличная от периодизации, принятой в учебниках буржуазных авторов, которые пересмотреть свое понимание под углом зрения тех указаний, которые дают ЦК ВКП(б) и Совнарком для исторического фронта.

Важнейшую роль в составлении истории литературы СССР, а также учебников по истории литературы, играет правильная периодизация общей истории. В указаниях ЦК дана подлинно марксистско-ленинская периодизация, коренным образом отличная от периодизации, принятой в учебниках буржуазных авторов, которые пересмотреть свое понимание под углом зрения тех указаний, которые дают ЦК ВКП(б) и Совнарком для исторического фронта.

Товарищ Сталин, Ромэн Роллан и М. П. Роллан.

Ромэн Роллан

КЛАМСИ — МОСКВА

Вот уже семьдесят лет, как я родился. Срок не такой большой. Над потоком времени старик протягивает руку ребенку. Но как раз в эту пору человечество перешло от одной эры к другой.

Я появился на свет в 1866 году. Не меньше расстояние отделяет 1866 год от 1936-го, чем 1760 год от 1830-го. И если издали отчетливо видны могучие, судорожно взброшенные крики — Французская революция и наполеоновские войны, поверьте мне, эпоха, видевшая Советскую революцию, пробуждение Азии и мировую войну, надолго всколыхнувшую недра цивилизации, покажется потомкам еще более значительной.

Есть и иные главные перемены, потрясшие основы человеческого существования. Я помню, как маленьким и заспал в джиджанских подзвон бубенчиков и дребезжанье оконных стекол. Препимому свой испуг при виде первого поезда, когда пылящий и дымящий паровоз впервые ворвался в мою родную провинцию. С почтением я смотрел на первых велосипедистов, отказавшихся от колес, и на первых автомобилей, возседавших поверх какого-то подобия мелких колес. Я слушал, широко раскрыв глаза, как о волшебствах детской сказки, разговоры о первых изобретениях Эдисона, воспетых Вилье де-Лиль-Аданом в «Градусе Еве». И подостром уже слышал и презрительное и хихикающее людей науки, инженеров над первыми, еще фантастическими, попытками воздухоплавания, по их мнению, несуществующим. И затем уже, после 1900 года, возмущались невероятные изобретения, совершенно изменившие мир.

Я не тот, кто, подобно моему другу Дюамелю, стоит из-за непревзойденных успехов техники и не отказывается от нее, в то же время признавая ей остановиться, как Иисус Навин солнцу. Я не только верю в железный закон необходимости, руководящий этой непрерывным прогрессом, но и его люблю, я ему приношу жертвы, ибо он как нельзя лучше способствует благополучию человеческого общества и, когда им разумно руководят, вызывает расцвет творческих сил человеческого разума. Трудно оценить в полной мере чудо головокружительного сближения между народами земли, вызванного техникой. Если на первых порах и происходил между ними столкновение, то вскоре они соединили свои усилия для плодотворной совместной борьбы с природой и старыми несправедливостями.

В годы моего появления на свет для пяти тысяч жителей Кламси в самом сердце Франции — горизонт замыкался двумя соседними областями — Овернем и Невером. Дорога в Париж казалась такой же далекой, как теперь поездка в Нью-Йорк или в Москву. О чужеземных странах знали разве то, что умели о них рассказать бывшие участники сражений под Севастополем и Солферинно. Деревенские старики еще вспоминали нашествие 1814 года и казаков, пожиривших сальные свечи. Ничто как будто не указывало, что мне суждено стать «вельбюргером» — гражданином мира, каковым по существу я и являюсь, или, выражаясь точнее, переводя это слово на язык эпохи рабочих революций, «Вельбюргером» — тружеником мира.

Ключ, который открыл мне человеческое единство, и получила еще в колыбели от материнской доброй феи — от музыки, обладающей языком, единым для всех великих европейских народов. Еще ничего не зная о Германии и об Италии, где впервые я побывал спустя двадцать лет, я ребенком духовно общался с лучшими людьми этих стран. А театр Шекспира, обнаруженный мной в библиотеке моего дяди, театр, к которому я до сих пор храню любовь, равную разве только моему чувству к Бетховену, вручил мне библию западного духа. Три года жизни в Париже, проведенные в Высшей нормальной школе, завершили мое классическое образование. Я позна-

коился там с великими мыслителями Европы, с Ренаном и с историком Габриэлем Мюо, учеником и другом Мишле. В Риме, где я поступил во французскую школу дворца Фарнезе, мой «европейец» окреп еще больше. Этим я обязан своей дружбе с семидесятилетней Мальвильей Мейенбург — женщиной большого сердца, изгнанной из Германии после поражения революции 1848 года. Она была другом Мадзини, Герцена, Вагнера, Ибсена и всех великих воителей духа второй половины XIX века. Благодаря ей я узнал и полюбил, как родную, старую Германию Гете и Шиллера, а также европейский идеализм 1848 года. К этому я добавил пламенные воспоминания о Французской революции, черпнувшие в моей семье (мой прадед Боньяр был «алотолом свободы» в своей провинции в 1793 году).

Восприимчивый таким образом, я в 1885—1897 годах уже вступаю в литературную борьбу. В ту пору неистовствовало дело Дреффуса. Своєю драмой «Волки» я принял в ней участие. В годы от 1890 до 1902 я написал до дюжины пьес, которыми пытался положить начало Народному театру, наметить его эстетику. Но я выступил слишком рано: разрыв Коммуны расстроил ритмы французского народа, он не созрел для своей силы, и мой прием остался без отклика.

Я сосредоточился на произведении, рисующий внутренний мир человека, — на романах-исследованиях. За время своих первых идеологических боев, а также дреффусовского дела я научился различать, где находится «Ярмарка на площади» и где заданная ею притягивающая Фрайдинг. Я признался писать, чтобы поддержать бодрость этой лучшей Франции, лучшей Германии и лучшей Европы в их борьбе против общего врага — эксплоататоров и развратителей общественного разума. Так появились десятилетняя серия «Жана Кристофа», бутяра парижской Германии и его парижского собрата — бутяра Оливье. Так появились мои «Героические жизни»: Бетховен, Микель-Анжелло, Толстой, которыми я пытался разжечь в человеческих душах великое пламя. Успех превзошел мои ожидания. После полного одиночества, среди которого я начал «Жана Кристофа» в 1902 году, мне удалось обрести к 1913 году во всех концах мира друзей и союзников, главным образом, пылкую молодежь.

Все рухнуло с войной 1914 года. Лучшие из юных друзей Жана Кристофа пали первыми. Уцелевшие были искалечены. Я устоял перед ураганом братоубийственной ярости, бросящей друг на друга великие народы Запада. Наперекор всему, я стоял за франко-германское братство, больше того — за братство всевропейское. В продолжении четырех лет ни один француз не вызвал во Франции такой ненависти к себе, как я. Еще и сегодня многие из тех, кто дружил со мной до 1914 года, не простили мне этого. Пусть будет так! Иначе поступить я не мог, и начинать все сначала, я поступил бы точно так же.

После войны я принял участие в развалинах прошлого. Но границы мира расширились. Теперь говорить об одном только Западе уже нельзя, речь идет о всем человеческом роде, которому война дала почувствовать общность страданий и надежд. С другой стороны, старое общество со всей омерзительностью проявило свое бессилие и вредность. Назревала необходимость социального обновления. Оно началось на востоке Европы ударом революционного топора. Между 1920 и 1930 годами я включился в поле моей деятельности и изучения Рос-

сию и Индию. Я познакомил Европу с героями индусского духа, с Махатмой Ганди и его предшественниками, великими мистиками, людьми вселившейся души: Рамакришней и Виникананди. С другой стороны, я не переставал защищать от нападок и угроз старого мира мир новый, СССР — и встал на его сторону. Мне захотелось воссоздать эту медленную, часто мучительную, но непрерывную и глубоко сознательную эволюцию духа, в новой серии романов, представляющей собою параллель «Жану Кристофу»: в «Очарованной душе», героями которой являются женщина-француженка и ее сын — представитель послевоенного поколения, — в ряде статей по социальным вопросам, недавно вышедших в двух томах: «Пятнадцать лет в бою» и «Через Революцию — Мир».

Но я никогда ни на один день не забывал своих старых друзей: священный источник моей духовной жизни — музыку и самого близкого мне из ее вдохновенных певцов — Бетховена. Я не переставал погружаться в них. Через них я соприкасался с основой человеческой души — единением. И этот контакт я хотел бы передать своим произведениями всем. Умножить энергию людей ощущением, что каждый — это все, что все — это каждый.

И теперь когда я оглядываюсь на долгий семидесятилетний путь, я с ясностью, прежде мне недоступной, вижу, какая мысль служила мне вожатым в моих странствиях. Вот эта основная лямочка мысли:

Во-первых, общение со всеми живыми людьми, глубокое постоянное ощущение единства рода человеческого в веках, расах и нациях.

Во-вторых, неотделимость мысли от действия. Как ни был я с детства полон истоками духа — лозостью и музыкой, я никогда не позволял себе замыкаться в созерцании и в надменной башне из словесной кости. Я презираю искусство ради искусства и мысль, обернувшуюся вокруг самой себя, как боа, перепаривающий гищу. Мысль — это поток, бегущий из нутра земли. Ручейки его не глубоки, но, выбравшись на поверхность, поток в движении должен прокладывать широкий путь через доли и горы, должен орошать и питать землю. Мысль, не становящаяся действием, это выжидать или измена.

29 января 1936 г.

РОМЭН РОЛЛАНУ

Во имя Вашего семидесятилетия шлю мои лучшие пожелания Вам, мировому писателю-художнику, верному другу Советского союза и трудящихся всего мира, неутомимому борцу против войны, против фашизма и реакции, непоколебимому защитнику жертв капиталистического угнетения и порабощения, великое имя которого прозвучит с любовью и упованием томашся в фашистских застенках Тельмана, Осески и Людвиг Рен, Грамши и Терачини, Ракоши, Антикьянен, Итикава и тысячи других пленников фашизма и реакции в странах капитала.

Я сам всегда вспоминаю с чувством глубочайшей признательности то могучее влияние, которое оказал на спасение моей собственной жизни из рук палачей германского фашизма Ваш благородный голос в защиту обвиняемых коммунистов на лейпцигском процессе.

Жму крепко Вашу руку, наш дорогой друг, и от всего сердца желаю Вам здоровья, бодрости и силы в Вашей дальнейшей творческой работе и в Вашей мужественной борьбе на передовом посту против темных сил реакции, фашизма и войны — за свободу, за мир, за культуру, за светлые идеалы социализма.

Г. ДИМИТРОВ

Дорогой друг Роллан!

70 лет прожито вами и полсотни из них в прекрасном труде, значении которого не может вполне оценить наша бурная эпоха классовых боев, эпоха предсмертных судорог старого мира, эпоха героической работы строительства мира социалистического.

Оценят Ваш исторический труд в те дни, когда освобожденное человечество оглянется на действительность, в которой мы живем, и поймет ее изумительный, величественный эпос. В картине этого эпоса молчаливой и яркой фигурой встанет человек, написавший эпопею «Жан Кристоф» и создатель многих произведений высокого искусства. Но уже и сейчас вы — человек любимым всеми честными людьми нашей земли, любимым не только в Европе, но и в Индии, в Марокко, в Америке, любимым, как поэт, как учитель, как пример мужества и непоколебимости.

Я горжусь тем, что в моей стране Вас любят особенно горячо. Крепко жму Вашу руку.

М. ГОРЬКИЙ.

Советские писатели присоединяют сегодня свой голос к голосу миллионов друзей, празднующих семидесятую годовщину вашей славной, вдохновенной и чистой жизни.

Ваше имя памятное, мудрое и воистину великого писателя сегодня особенно возгоржено и громко повторяет вся наша великая страна, воздающая под руководством Сталина трость человеческого счастья, о котором говорят мечтатели и к которому всегда звали Вы, подлинный инженер человеческих душ.

Мы чествуем в Вашем лице неуклонного и мужественного борца против тех, кто разжигает войну, отравляя души масс ядами хищного шовинизма, насилия, человеконенавистничества, — против фашизма.

Вы знаете, что будущее принадлежит тем, кто, свергнув капитализм, строит общество без эксплуатации и угнетения человека человеком.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

Дорогой товарищ!

Академия наук СССР шлет Вам, своему почетному члену, горячие поздравления по поводу Вашего 70-летнего юбилея.

В годы великих исторических катастроф, когда империализм грозит гибелью всему человечеству, Вы, будучи одним из самых культурных людей нашего времени и идейным вождем лучшей части интеллигенции, решительно стали на сторону нового мира, на сторону СССР, как надежды человечества.

Ваша громадная эрудиция, универсальность Вашего замечательного таланта, Ваша глубочайшая, настоящая человечность, Ваша великая совесть, Ваше горячее служение социализму получают полное признание истории.

Мы горячо поздравляем Вас, желаем Вам долгой жизни, такой же глубокой и плодотворной, какой она была до сих пор.

Президиум Академии Наук СССР: А. П. КАРПИНСКИЙ, В. Л. КОМАРОВ, Г. М. КРИЖАНОВСКИЙ, Н. П. ГОРБУНОВ, А. М. ДЕБОРИН, Э. В. БРИЦКЕ, Н. И. БУХАРИН, А. А. БОРИСЯК, А. Н. ФРУМКИН.

Бывает люди, имена которых становятся символом определенных направлений человеческой мысли. Ум, талант, честность, мужество в соединении с огромным и осознанным оптимизмом создают таких людей. Такие люди, перепрыгнув орудя, раздвигают путь в будущее, единственно верный путь. Это путь, по которому идет трудящийся великая партия большевиков во главе со Сталиным. В лице Ромэн Роллана, в его трудах воплощено все лучшее, что есть в западной интеллигенции.

Мы приветствуем мужественного борца в день семидесятилетия и ждем от него новых и новых достижений.

Николай Тихонов, Мих. Слонимский, А. Толстой, Конст. Федин, Сергей Семенов, Мих. Зощенко, Ольга Форш, Ю. Тынянов, В. Саянов, С. Маршак, Н. Свиригин, А. Чапыгин, В. Шишков, Л. Соболев, Б. Лавренев, М. Козанов, А. Прокофьев, Ю. Либендинский, Е. Добин, В. Беспалатов.

ВСЯ СТРАНА ПРИВЕТСТВУЕТ СВОЕГО ВЕЛИКОГО ДРУГА

Семидесятилетие Ромэн Роллана празднуется в самых отдаленных местах Советского Союза. Редакция под руководством писателя и приветствия на имя великого писателя от иностранных революционных писателей, находящихся в СССР, от писателей Восточной Сибири, Урала, союзных советских писателей Грузии, Армении, Башкирии, Татарии, Карелии, Азербайджана, от издательств «Советская гонимая» и «Советский писатель», от редакций газет и журналов, от театров: МХАТ СССР им. Горького, театра им. Мейерхольда, Государственного Академического Малого театра, театра Революции, театра Красной армии, Государственного Бурейского театра, Реалистического театра, Китайского театра во Владивостоке и др. Подняты приветствия стахановцев Горьковского автозавода, Красноярского Электростановца, Ленинградского Университета, Центрального дома ху-

дожественного воспитания детей. Приветствия прислали М. Шагинин, Стаханов, Сметанин, революционные поэты Эми Слю и Фрих Вейнберг, Комитет защиты Тельмана, Интернациональный комитет помощи арестованным и сосланным итальянским антифашистам.

Список приветственных приветствий далеко не полон. Они продолжают поступать и будут оглашены сегодня на торжественном заседании, посвященном юбилею великого писателя.

Л. Леонов выехал в Париж

По приглашению французских писателей Правление Союза советских писателей командировало Леонида Леонова в Париж, где он примет участие в чествовании великого французского писателя Ромэн Роллана, которое состоится 31 января. Л. Леонов вчера ночью выехал в Париж.

Ромэн Роллан и Максим Горький.

Эта статья, написанная Р. Ролланом для «Литературной газеты», будет сегодня вечером транслироваться Базельской радиостанцией, записавшей голос Р. Роллана.

СТАРШИЙ ДРУГ

Абуль Гасем Лахути

О НАГРАЖДЕНИИ ОРДЕНОМ ЛЕНИНА ПОЭТА ТАДЖИКИСТАНА ТОВАРИЩА АБУЛЬ ГАСЕМ ЛАХУТИ

Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет: Наградить орденом Ленина поэта Таджикистана товарища Лахути Абуль Гасем.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

М. КАЛИНИН.

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

И. АКУЛОВ.

Москва, Кремль. 27 января 1936 г.

Самед Вургун

О НАГРАЖДЕНИИ ОРДЕНОМ ЛЕНИНА ПОЭТА АЗЕРБАЙДЖАНА ТОВАРИЩА САМЕД ВУРГУН ВЕКЛОВА

Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет: Наградить орденом Ленина поэта Азербайджана товарища Самед Вургун Веклова.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

М. КАЛИНИН.

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

И. АКУЛОВ.

Москва, Кремль. 27 января 1936 г.

Наири Зарьян

О НАГРАЖДЕНИИ ОРДЕНОМ ЛЕНИНА ПОЭТА АРМЕНИИ ТОВАРИЩА НАИРИ ЕГИАЗАРОВИЧА

Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет: Наградить орденом Ленина поэта Армении товарища Зарьян Наири Егиазаровича.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

М. КАЛИНИН.

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

И. АКУЛОВ.

Москва, Кремль. 27 января 1936 г.

ГАСЕМ ЛАХУТИ

Лахути — поэт революционного Ирана, ставший народным поэтом советского Таджикистана, делегат нашей страны на парижском конгрессе защиты культуры, яркий представитель интернационализма мировой пролетарской поэзии.

Абуль Гасем Лахути родился в 1887 г. в Западном Иране, в городе Керманшахе. Отец Лахути был башмачником. Детство поэт провел в среде мелких ремесленников — ткачей, сапожников и мотальщиков шелка.

Юность Лахути сражается в рядах армии персидской революции. Правительство шаха дважды приговаривает его к смертной казни, но Лахути удается бежать: он пешком прокладывает путь от Тавриза до Багдада. Затем мы застаем поэта в Константинополе, где он 18 месяцев скрывается от шахских и султанских агентов. В Константинополе Лахути пришлось зарабатывать труд повара, грузчика и торговца газетами.

Выступая на парижском конгрессе защиты культуры, Лахути вспоминал:

«Я был башмачником, меня заставляли сделать портным, я был портным и меня превратили в сапожника, и только СССР дал мне возможность остаться тем, кто я есть, — революционным поэтом».

Гасем Лахути писал с детства. Его первые стихи были напечатаны в персидской газете «Халь-уль-матин». Это были антиклерикальные стихи, в которых 16-летний поэт призывал народ пригласиться к судьбе порабожденных.

С годами поэзия Лахути становится мужественной, но в первых его стихах мы уже видим боевые черты будущего народного поэта: пламенность революционера и едкость сатирика. Уже в 1907 г. стихи Лахути исполняются как песни и марши.

В 1922 г. Лахути эмигрировал в СССР. Его родиной стала великая родина трудящихся всего мира.

Как волно стала грудь моя дышать. На родину вернулся я опять.

Такими словами заканчивает он свою ода Европе.

Первые годы своего пребывания в Советском союзе Лахути проводит в Таджикистане. В таджикской литературе, близкой поэту по языку, он быстро занял первое место. В 1926 г. у нас выходит первая книга стихов Лахути — «Адабият-и сурух» — «Красная поэзия». Первое поэтическое выступление Лахути перед читателями нового Таджикистана привлекло огромное внимание.

В СССР наступил настоящий расцвет творчества Лахути, в стране социализма раскрылись и определились все стороны его сильного поэтического дарования. Его влияние на молодую таджикскую литературу велико, его популярность среди всего населения советского Таджикистана еще больше: именем поэта, который перевел на таджикский язык «Интернационал», названы многие колхозы и школы Средней Азии.

Члены бригады поэтов-диспетчеров, едущие вместе с Лахути в Таджикистан, рассказывают о том всенародном признании и славе, которой окружено имя Лахути на советском Востоке. Нет ни одного колхоза, в котором не распевали бы его стихи. Дети узнают Лахути при появлении. В телеграммах о выполнении годовых заданий колхозы сообщают, что его стихи помогают им выполнять план.

Гасем Лахути — один из тех поэтов нашей страны, которые свое слово и стих целиком поставили на службу Великой революции. Подлинный интернационалист, Гасем Лахути завоевал почетное звание советского поэта и признание не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. На международном конгрессе защиты культуры он рассказывал о тех путях, какими он пришел к этому завоеванию.

Поэтический диапазон Лахути чрезвычайно велик: его перу принадлежат стихи о дочерях Ирана, баллады о погибшем революционере, поэма «О силе СССР», стихи о бакинских рабочих и о «мудром садонике, выращивающем сад социализма» — товарище Сталине.

Наш читатель хорошо знаком со стихами Лахути, которые часто печатаются как в центральной, так и в провинциальной прессе, но не всегда доходит до русского читателя некоторые поэтические стороны его поэзии. Лахути, часто используя творчество Хайяма и басенную форму Саади и революционизируя ее новыми словами и новым содержанием, тем самым полагается к классической персидской поэзии. Из всех переводов Лахути лучшим надо признать переводы Бану.

В 1932 г. в Гослитиздате вышел сборник произведений Лахути — «Избранные стихи». Нельзя издательство иностранных рабочих в СССР выпустило сборник его стихов на иранском языке.

27 января правительство СССР наградило таджикского народного поэта-коммуниста, высшей наградой страны — орденом Ленина.

М. ДМИТРИЕВ

САМЕД ВУРГУН

Самед Вургун Веклов родился в 1906 г. в селе Саломе (Азербайджан), в семье бедного земледельца. Первоначальное образование он получил в трехклассной сельской школе. В 1924 г. Самед Вургун окончил педагогический техникум и до 1929 г. преподавал литературу в сельских и городских школах Азербайджана.

С 1920 г. Самед Вургун Веклов — член ленинского комсомола.

Первое стихотворение — «Синее озеро», напечатанное в комсомольской газете «Молодой рабочий» на турецком языке, явилось началом литературной деятельности этого крупного поэта. Через два года (в 1929 г.) вышла его первая книга «Клятва поэта», обратившая на себя внимание критики. Вслед за ней появились сборники: «Фонарь», «Книга сердца», «Стихи».

В это время поэт учится уже во втором МГУ на литературном факультете, который окончил в 1931 г.

В переводе на русский язык в 1935 г. вышла книга Самед Вургун «Стихи и поэмы». Сейчас Гослитиздат готовит новую книгу стихотворений и поэм азербайджанского поэта в переводах И. Асеева, Адалис и Б. Брика.

Последние работы поэта — роман в стихах «Комсомоль» и историческая поэма «Азербайджан» — на днях будут сланы в печать. Сейчас он работает над переводом на турецкий язык пушкинского «Евгения Онегина».

— Я счастлив, — говорит поэт, — что получил высшую награду нашей страны. Такое счастье может быть только у советского писателя, на советской земле! Трудно передать, как благодарен я родному товарищу Сталину, который лично заботится о писателях советской земли и своими мудрыми указаниями способствует их творческому росту. Я постараюсь оправдать великое доверие, оказанное мне — маленькому человеку.

То, что Самед Вургун получил высшую награду советской страны, знаменательно и характерно для нашей великой эпохи. Самед Вургун — поэт смелых образов, смелых обобщений, большого художественного риска. Он не пользуется штампами. Изучая персидских, турецких и русских классиков, знакомых с современными поэтами, беря от них то, что они могут дать, Вургун старается не терять собственного голоса. Настоящая смелость в подходе к материалу, упрямство в достижении поэтической цели родит его с лучшими и характернейшими людьми нашего времени, героями-стахановцами заводов и полей. Стремясь использовать технику до дна, Вургун хочет заставить ее служить своим художественным замыслам, он имеет на это право, так как замыслы эти продиктованы сегодняшним днем Азербайджана, социалистической молодостью, всей классовой сущностью самого поэта. Вургун не боится опытов; не всегда они одинаково удачны; иногда он повторяется, иногда теряет чувство меры, но побеждает только смелый; еще никогда слепое следование готовым образцам не давало художнику творческой победы над материалом. Самед Вургун знает это, — и в этом его сила.

Вургун работает много и упорно. Он принадлежит к типу поэтов, тяготеющих к большому полотну, к обширным темам. В последней его поэме «Азербайджан» — 4000 строк; она охватывает историю Азербайджана — в поэтическом аспекте, конечно, — от древности до наших дней. Одновременно с этим он пишет и небольшие лирические стихи на разнообразные темы — о детстве, о природе, о нефти, об авиации, о любви...

Самед Вургун — яркий показатель той огромной творческой силы, тех богатейших душевных возможностей, которые имеют в угнетенных прежде народах внешнего Советского союза. Азербайджан всегда был страной народных поэтов — импровизаторов, бродячих певцов, сказочников, рассказчиков. Но новое угнетение давило этот талантливый народ. Сейчас силы раскованы, вперед — широчайшая дорога. И Самед Вургун — один из ярких и типичных представителей творческого народа, наследник большого народного поэтического опыта, преданный социалистический патриот своей республики и, значит, всего Советского союза.

Вот почему получение ордена Самед Вургун — праздник не только для самого поэта и для литературного Азербайджана, но и для всех, уснувших себе до конца великое значение дружбы народов и расцвета народных культур Советского союза — национальных по форме, социалистических по содержанию.

За это небывалый расцвет и против всякого, в ком еще живы слезы неверия в силы освобожденных и выпрямившихся национальностей нашей родины, мы поднимаем голос и говорим Самед Вургуну:

— Поздравляем! Опять наша валя!

А. АДАЛИС

ПРИВЕТСТВИЕ ПРАВЛЕНИЯ ССР СССР

Секретариат Правления ССР СССР послал приветствия и поздравления награжденному высокой наградой товарищам Гасем Лахути, Самед Вургуну и Наири Зарьяну.

ДРАСТАМАТ СИМОНЯН

До встречи с Ролланом я не понимал, как такой человек мог написать «Кюла Бренон» — вещь чувственную и «грубую». По портретам и остальным его произведениям писатель был в моём представлении ученым и исследователем, исследователем души и музыки. Как мог человек такого и пронырливости и тонкости видеть такую радость-крайнюю и ищущую в самом лучшем изобретении этого слова.

И вот он вышел нам навстречу в большой светлой комнате на даче у Алексея Максимовича. Он вышел высокий, худой, очень похожий и очень непохожий на свои портреты. Роллан — до этой минуты бывший автором дошедших в печать и ставших любимыми книг. Роллан — один из величайших из живших на земле писателей, чей дружеский голос звучал для нас из глубин его произведений, из дымной Шибарды. Роллан — почитаемое олимпийское имя, идущее оттуда, в темном, в простом и дружеском пожатии тонкой руки.

На его плечи был надет мягкий серый плащ с откинутым кашемиром. Он напоминал мудрого изобретателя, который в долгие странствиях обрел новую правду мира и, радуясь, знакомится с теми, в ком он нашел единомышленников и чьим соратником он навсегда останется. И когда из-под бровастых, совершенно белых бровей на нас глядит пораженное не цветом, а глубиной светом, почти детским любопытством, светящимся на этом болезненном, прозрачном лице, глаза, ставшие ясным, каким образом по несомненному творчеству этого человека совместились бурная радость Кюла Бренона с лирическими и философскими глупостями.

На встрече у Алексея Максимовича я спросил у Наустовского, вспоминая теплые отзывы Роллана о «Кюла Бугазе». Он стал искать его глазами и пожалел об отсутствии Наустовского. С большим интересом расспрашивал Роллан меня о литературе для советских ребят, которая вырастает в лучшую литературу для ребят всего мира.

Л. КАССИЛЬ

„ОЧАРОВАННАЯ ДУША“

«Любовь, среди сущего пернорожденная, что Мисть родила потом». Этим древним великим изречением о любви — первоисточнике мира — открывается последнее произведение Романа Роллана — цикл «Очарованная Душа»; оно заключается мыслью Геркулеса о левантии, борьбе, как творческой силе природы.

Так завершается путь Романа Роллана последних десятилетий, путь отречения, заблуждений, таинственных обещаний и поражений, приближающихся к победе.

«Десять лет борьбы с самим собой. Надо бороться, чтобы победить себя». Десять лет мира, дочери войны, матери войны. Не жалуйся! Мир — в конце».

Один из крупнейших гуманистов Западной и восточной Европы, поколения революционизирующейся интеллигенции, художник эпоса и трагедии, — Ромэн Роллан пришел к нам «путями подвига, жертвы и установления».

Потомок славных деятелей Конвента, философ — просветитель и мистик — акробат — он стремился «снова захватить в массы героизм и веру народную от пламени костра республиканской эпохи». Но в своем последнем произведении он оторвался от завсегданных той эпохи идей, привнес их реакционными опасными анахронизмами.

Биограф «Героических жизней», — он провозгласил индивидуализм «смыслом существования, раскрепощением мысли, освобождением от догм и фетишей. Прометеем, поставившим на Земле». Но последние тома «Очарованная душа» звучат призывом вновь прокатить индивидуальность путем действительной отдачи себя движущему вперед и борющемуся миру.

Автор манифеста «Духовное влияние Европы», — Ромэн Роллан теперь восстает против «пан-европейства», упавшая в нем одна из масок империалистической пропаганды. Он ищет свою духовную родину в гражданской Европе, «чаще смещенная на родине и культуру, гармонического сочетания рас всей европейской».

Добровольно отшельник в последние годы жизни, он стремился мыслью к Бергам Ганга, пытаясь «субъективно охватить океанский гулом Бесконечного», учением Галли о «непротивлении насилью». И в то же время он сумел преодолеть близкую галлюцинацию, сумев до конца, коснувшись справедливых и заблуждений европейской цивилизации, катастрофы, нависшей над Западом, и гибели.

«Наши переходные души, раздвоенные между житейских и идеальных творческих идеалов», — говорил Ромэн Роллан.

Подобно герою последних томов «Очарованной Души», — он неутомимо искал истины, «спиритизм все мускулы тела, истерического, четвертого по счету на скрещении противоположных дорог и раздираемого в разные стороны четырьмя лошадыми. В его зрачках претолпачивались и скрещивались, гасли и вновь зажигались лучи многих звезд, восходивших на Западе и Востоке. С неуверенной силой пылали в нем жажда республиканской борьбы и жажда христианской веры. В себе торжеств мед лиризм; но золото его меда было темным».

Последнее произведение Романа Роллана задумано, как цикл романов об «очарованной душе Европы». Это — история западной мысли XX века, и в особенности, послевоенной эпохи. Трагедия буржуазно-империалистической мысли, с болью отрекающейся от «своих» иллюзий, от многих опасных очарований, к которым склонялась и склоняется европейская душа. Борьба лучшей, наиболее передовой части западной интеллигенции «на защиту нового мира».

«Очарованная душа Запала», — комментирует сам Роман Роллан, — «срабатывает с себя, на протяжении всей своей жизни, тактикой иллюзий, покрывающих ее. С какой тенью, которая спадает, у нее является уверенность в своей правоте. Но другая тень смелее предугадывает. Каждый том — это отрывок великой иллюзии».

Первые тома — «Ангела и Сильвия» и «Лето» — картина упадка буржуазной демократии и развенчание декадентской культуры «конца века». Постепенное разрушение «демократических священных принципов» и трагедия, подлинная сама собой в типичной республиканской старой Франции. На этом фоне появляются образы эпохи буржуазной демократии. Роже Брюно, жонглирующий в светских салонах и на парламентских трибунах, торгующий знаменами великих буржуазных революций, проповедник «европейской мис-

сии Франции», «крестового похода» против Германши. Марсель Франк, художественный критик, пораженный творческим беспомощием, неверием, «добру и злу внимающий равнодушно».

Но в глубине этого старого мира, в его подпольных пещерах, слышатся глухие подземные толчки, нарастающие разрушительные силы. Возникают образы Жюльена Домона, отступника католического Рима и демократической Франции, восточности фронта, проделавшего эпоху гуманистической интеллигенции в ее первых рядах. Его идейно политический противник — Филипп Виллар, враг демократии, впоследствии сторонник фашизации Европы, мечтающий о «нашествии», который жаждал бы похлеще похлеще одичавшей человеческой стады и покое, неслыханное рабство».

«Кюла Бугаз» — это история, это история огромных запасов великого социального гнева, сокровищ творческой революционной невинности, накопившихся во время войны. В этом цикле открывается «История молодого человека XX столетия послевоенной эпохи» Марка Ривьера, история одинокой юности — рожденная на рубеже двух столетий поколения гуманистической интеллигенции. Это поколение, выросшее среди развалин «отрававшей эпохи», владеющее «духом откровенности, духовной открытостью», вскрывающим нестерпимым хребтом познания и горькими переживаниями, впервые опущено и навсегда запечатлено горечь «яда, примененного к душе цивилизации, к религии, морали, истории, литературе, искусству и философии». В книгу его юности вылетели страницы острого политического манифеста, беспощадных разоблачений буржуазной печати, достояний современной «Интеллигентной Сервис», суда, науки, быта человечества в прошлых и грядущих войнах, искусства, «смертельно большого всемирно-большим европейской мысли».

Последний том «Роды» — рождение эпохи — последние страницы истории буржуазно-гуманистической мысли Запада, посвященные борьбе с фашизмом. Показано расхождение интеллигенции, некогда оппозиционной по отношению к буржуазно-демократическому строю, расхождение путей Виллара и Домона: к реакции и к революции, к возрождению мрачного прошлого и к борьбе за социалистическое будущее. Разрывается маршрут лучшего будущего старая Европа, ее перемены и последние наследники — древней культуры — Марка Ривьера и Сильвио Морроне, несущих против капиталистического мира и побуждающих мученическую смерть в борьбе с фашизмом. В образе Бруно Кьяренса, последнего гуманиста Запада, волея греко-латинской, средневековой культуры против фашистского варварства, воплощено искусство галлюцинации, вступающее перед смертельно усталой буржуазно-гуманистической мыслью. Книга — это история борьбы с этим иллюзией, воспринятой и творческой, как борьба с этим иллюзией, как борьба с этим иллюзией, как борьба с этим иллюзией, как борьба с этим иллюзией.

Р. МИЛЛЕР-БУДНИЦАЯ

ЛИЦО ЮБИЛЯРА

Раз в месяц ко мне стучится гость. Отныне я узнаю его знакомо лицом, и дружески протягивая руку и вступаю с ним в долгую и содержательную беседу.

Говорит, что у каждого из наших журналистов есть свое лицо. Возможно, что и так. Здесь не место проводить сравнительное исследование этих лиц, затрудненное, вдобавок, значительным сходством их черт, приятно, пожалуй, излишне округленным. В данном случае меня интересуют только юбилары.

У него, несомненно, есть свое лицо. И несомненно, во всем его облик есть что-то военное. Прежде всего в самой внешности.

Глаз наш привлек к соборным, ладным, акkuratным фигурам наших командиров и красноармейцев. Юбилар очень похож на них. Он невысокого роста, но темноволосый, что фигура плотная и как-то по-военному поджарая, лишена пухлого жира толстой бумаги, придающего иным нашим журналистам нездоровую полноту. Это крепко сбитое тело не поворачивается расхлябываясь, как некая статуя, но при первом же разворотах, вихлях, начинает весело раскачиваться, как маятник, с осязательной интенсивностью осязая свои члены. Одет он всегда в чистую, легкую гимнастерку, из-под которой выглядывает обрыв бумаги, белая, как командирский воротничок, оляпка-тапки подвывая пример нахвата, до сих пор шепелящим кто в рыхлой обложке, матов, как толстовка бухгалтера 1925 года, кто-то в неглаженном, сером белье.

С военной четкостью он еще с оборота обложки объявляет нам беседу с ним; да тех же, кто приучен перебирать журнал в руках, как горячий блин, в поисках содержания (какое-то принято у нас печатать в самом странном и незнакомом месте, например, в середине перевернутого первого листа), он терпеливо повторяет его на самой последней странице, не загораясь его объяснениями. И чтобы отыскать нужную статью, вам не потребуется сложить ладони: возьмите в левую руку его плотное тело, чуть согните — и страницы сами выпрыгнут перед вами, наывая в колон-титуде авторов и их произведения. Он не оставит вас урвать пальцем или синичкой листы, разорвав их хитроумно запечатанные конверты; из уважения к читателю, юбилар вал привычку обрезать их края еще в типографии. Шпифт его четок и ясен, как военный разговор. И, наконец (что всею удивительнее), называя месяца на титульном листе до жути совпадает с названием текущего месяца: погудит, раскроется, читаешь: «июнь», и действительно, сморщив — июнь, читаешь «декабрь» — а и на дворе декабрь!

Примечательно, что эта чисто военная аккуратность в отношении и в сроках выхода собственной юбилару с самого рождения. И удивительно, что эти военные традиции поддерживаются юбиларом, долгие ряд лет беспрерывно обрабатываясь на типографском фронте за качество, за сроки выхода, за шпифт и бумагу. Имя этого юбилара — Клавдия Александровна Санина, присвоенное ей в звание — телеграфиста 1-го ранга.

И так же, как похож этот журнал

на наших командиров внешностью своей, так же напоминает он их и своим внутренним содержанием.

Поговорит с современными командирами Красной армии. Это прежде всего — равноосторонне развитый и культурный человек, следящий за всем, что происходит в нашей стране, которая доверила ему свою защиту, и вне ее. Не существует тем, к которым он не проявил бы интереса. Он с увлечением поддежит разговор о фашизме, о рекордах Сталина, о литературе, об японской армии. Если командир в годах, он вспомнит эпизоды из гражданской войны, а порой и из империалистической. И о чем бы он ни говорил, он всегда обернет как-то так, что вам станет ясно, что и парижский конгресс культуры, и последняя книжка Фейхтвангера, и Сталинское движение — все это имеет прямое и непосредственное отношение к боевой подготовке доверенной ему военной части.

И в одном только случае командир недоволен. Это — когда вы затронете вопрос об его личной жизни, когда вы спросите его: «А как вот вы живете, как учитесь, как воспитываете, как подучиваете и вас красноармейцы, вот такие, которых в Крыму награждали орденами?». Командир разведет руками: «А как? Обыкновенная работа...» — «Поведите, а герман?» — «Ну что, герман? Люти у нас крепкие, приходят к нам из колхозов с зарплатой, здесь растут...» Если, на ваше счастье, командир от авантюризма, он расскажет вам про какой-нибудь штурм или случай с парашютом, да и то так сухо, что оная Рахилово исключительной силой своего воображения сможет из этого что-нибудь вынести.

Эти черты современного командира свойственны в сильной степени и нашей юбилару.

Большими романами, интересом и волнением он рассказывает о фашистской Германии, о Китае, о Японии. Много и часто вспоминает он гражданскую войну. Не чередовая лихачество, алом рассказывает о социалистической стройке, глядя — и Казахстан опинит*. Он берет темы самые разнообразные, страны самые отдаленные, эпохи самые неожиданные, — и все это не вря: во всем, боковым намеком, противопоставлением, ассоциацией он умеет пробудить в нас хорошую и нужную тревогу за завтрашний день.

Но что до самой Красной армии, что до людей ее, которым вручено наше оружие, — тут юбилар неграмотничит и скуп на образы. Дает какой-нибудь стилистический очерк: «Его жмол, обиходное слово, — люди растут, техника олет же...» И молчок. Естественно ожидать, что юбилар берет этот упрям как же — его друзьям и соотечественникам. И об этом — в который раз! — придется нам помянуть.

Понятие «оборонное качество художественной литературы» за эти годы не углубилось и расширилось. В те дни, когда юбилар, поблескивая яркой звездой на прежней, защитной, своей гимнастерке, вошел в толпу журналистов, уюдно не замечавших во-*

* И опинит, факт! (Достоверная информация автора.)

ПИСАТЕЛИ О РАБОТЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

ЛЕНИНГРАДСКОЕ (наш корресп.). Из 325 млн. листов-оттисков книжной продукции, составляющих производственный план Гослитиздата на 1936 г. Ленинградское отделение издательства выпустило 80 млн. листов-оттисков. Из них — 24 млн. листов-оттисков составили книги ленинградских прозаиков, поэтов и критиков, 11 млн. — произведения иностранных писателей, 5 млн. — периодика и 40 млн. — классика.

На днях директор Лениноздиздата М. А. Орлов позвонил ленинградским писателям о тематическом плане издательства.

Обсуждая работу издательства, писатели подчеркивают, что план 1936 г. обеспечивает выход новых произведений и переводов, главным образом, крупных писателей; многие книги молодых писателей в плане отсутствуют. Но кто и когда — спрашивают писатели — освободит Лениноздиздат от работы с новыми кадрами авторов?

Совершенно недостаточным творческим возможностями ленинградских писателей является раздел плана по критике и литературоведению. На 1936 г. этому разделу издательство выделит лишь задания, не вышедшие в

прошлом году. Не противоречит ли это указанию партии о поделе литературоведения, критики и библиографии?

Ленинградские писатели с удовлетворением выслушали заявления М. А. Орлова и выступившего с большой речью в конце собрания Н. Н. Нагорного, что ни одно произведение значительной художественной ценности не останется в 1936 г. безымянным, разумеется, стоить ли оно в плане или нет. И если в плане имеются отдельные ошибки, писательский коллектив всегда может их исправить.

Вот мне сейчас тридцать лет, и видел множество бедокопных удач был период «Бронепоезда». И хотя, как художник, Беснов, неоразноне возмужал после «Бронепоезда», хотя советские действительности он стал понимать несравненно глубже, но удача уже не сопутствовала ему. Почему?

В 1934 году осенью вышла отдельным изданием первая часть «Похожденных факира». Собственно, полное название этого произведения, стилизованное под названия старинных книг, оно. Но оно настолько длинно, что, боясь, займет все место, отведенное здесь для моей статьи. Опустим поэтому его. Начало «Похожденных» не могло не порадовать нас. Ему предшествовал период молчания, а перед тем — такое произведение, как «Повести бригадира Синицына», в котором неоспорима талантливость формы прихода в противоречие с замыслом, и читатель воспринял «Повести» как ярчайшее высказывание хорошего советского человека, Синица, хотя автор этого воле не имел в виду. Было известно также, что за последние время слишком уже немалому долгу затянувшись работа над романами «...и Кремль». И начало «Похожденных» рвало — как ладная удача — ясностью своего художественного изложения, беспорядочной правдой фактов, глубиной — так нам казалась — выразительной иди.

О чем же был написан роман, как хотелось и как могло быть воспринято его содержание по первой его части? Это был роман о разоблаченном тишине, об одном из отставных и мелких чувств, доставших социализму в наследство от капиталистического мира. Это был роман о жизни старой «Корюхины» — конце целой линии в старой, — да и в советской — русской литературе, линии, посвященной описанию жизненной судьбы людей «судачки», провинциальных мечтателей, фантазеров и уродов с искроверженной психологией. Замесет этот, собственно, проходит и через вторую, и через третью книги «Похожденных», по там он — особенно в третьей части — обещивается и прищипывается: мы сейчас пойдем, почему.

«Все моя семья, так начинается роман, отличаясь удивительной ти-

ею тем, мы называли «оборонным» произведением, которое показывало Красную армию и самую войну. Теперь мы называем «оборонным» произведение, которое так или иначе мобилизует анжонское описание на нашу страну, которое показывает причины необходимости иметь Красную армию, причины необходимости вылезти и встать на ноги в гражданской войне — в сжатые сроки двух мир — и готовиться к ней на границах, на морях, на полях и степях, удаленных от границ и морей.

Что может быть веселее и невиннее конфет, сосисок, желтых и прохладных брусков сливочного масла? На кружках, как воздушные шары и многочисленных нудях они плыли незлобно над аномом сессии (45 000 килограммов сосисок в день в одной только Москве... 400 000 000 килограммов масла в 1936 году... 175 000 000 банок консервов...) — по в привычной их процессии мы ясно видим много, и то, почему нам надо готовиться к защите страны, говорящей о конфликтах и сосисках в зале своего парламента. И то, что наличие этих огромных запасов рязом со страной, вводящей на них ограничительные карточки, привлекает — теперь по-новому — пристальное внимание габуки и бомбовозов. И то, наконец, что эти невинные и мирные вещи, конфеты и ветчина, так же боеиспособны и важны для обороны, как и снаряды и танки. В металле и угле это двойное свойство — привлекает к себе внимание врага, изнемогающего в борьбе с им самим придуманной и губящей его системой хозяйства, и, значит, служит объектом военного вторжения, и одновременно быть гарантией мощного отпора военному захватителю, — прочтывается несомненно детям.

Мы видим теперь, вместе со всей страной, это оборонное качество религиозно во всех явлениях. У нас растут новые люди: значит, они, люди помысленной культуры и знаний, люди четкого опущения своей страны, своего излечения вперде отечества, смогут зашипать его лучше. У нас растут богатства: значит тем больше опасность войны и тем мощнее оборона. У нас увеличивается число зарубежных друзей среди тех, кого лавит старинная и прокатная система ховиства и жизни: значит, тем больше есть над ними власть, поспешат бросить их в братоубийственную войну, и, значит, одновременно, что плансы наших врагов на победу уменьшаются: число наших друзей растет.

Так везле и везду в художественной литературе можно и должно выискивать эту высокую и знующую ноту патризма в военной действительности.

И прекрасно делает «Знамя», что не замыкается в узких рамках «чуждой войны» тематик.

Но наша обязанность, наш ладный и возлюбленный люд нашей армии. Надо привести этот поларок дорожку нашему юбилару — оборонному, военному и умному юбилару «Знамя».

Л. СОБОЛЕВ.

думаю, и вещи стоит рядом не случайно, и последний номер не случайно стоит рядом с предыдущим. Может быть, это не всегда удается в полной мере и «Знамя», но борьба за «Знамя» каждого номера является видна в журнале, и в большинстве случаев композиция номера получается отчетливой и целеустремленной.

«Знамя» не боится новых имен, а, напротив, ищет молодых писателей, главное свое внимание обращая на качество произведения, а не на установившуюся репутацию. Можно считать личный опрос писателей, наденных и выданных на видное место в литературе «Знаменем». При этом надо отметить умение «Знамени» работать с автором так, что автор чувствует живой интерес редакции к своей работе, интерес, который внушает писателю доверие к редакции и, следовательно, к журналу.

И не собираюсь перечислять все достоинства «Знамени». Мне хочется только искренне приветствовать «Знамя», поздравить с пятилетним юбилеем и пожелать, чтобы этот журнал, борющийся за революционную проблематику в нашей литературе и потому всегда молодой, доблестный, не теряя чувства самозащиты, еще больше достиг успехов. В этом заинтересована вся наша литература.

МИХ. СЛОНИМСКИЙ

не характеризовать и самого Всеволода — «белого Пима», к которому автор, как и в остальных персонажах, относится иронически, но в отношении, кроме проческого. Но в сплошной прозе романа начинает теряться грань между характерами, исчезает их объективная противоположность друг другу.

И по мере того, как затруждается, замедляется, приостанавливается развитие действия, внимание Всеволода Исаева переходит на разрешение чисто формальных (например, стилистических) задач, лишь затрудняющее восприятие романа, и без того отяжелевшего различными отступлениями. Так, например, стремясь усилить прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

В начале это смешно. Но потом Филиппинский начинает повторяться. Наконец, он становится невыносимо скучным. В каком-то смысле это явление можно считать за захлестнувший. В одной только 2-й части романа он рассказывает двадцать шесть своих анекдотов. Да же однообразие ситуаций начинает в рома-

не характеризовать и самого Всеволода — «белого Пима», к которому автор, как и в остальных персонажах, относится иронически, но в отношении, кроме проческого. Но в сплошной прозе романа начинает теряться грань между характерами, исчезает их объективная противоположность друг другу.

И по мере того, как затруждается, замедляется, приостанавливается развитие действия, внимание Всеволода Исаева переходит на разрешение чисто формальных (например, стилистических) задач, лишь затрудняющее восприятие романа, и без того отяжелевшего различными отступлениями. Так, например, стремясь усилить прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаический акцент романа, он дает одну фразу лишнюю на странице вольного текста. А ведь за тем пишет: «...И терпеть не могу длинный и вояцкий старожил причудить себя в ладиларному языку, который теперь в таком почете и не может быть в почете, ибо просто безумно писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные фразы, построенные из дерева» — и так далее; оканчивая той же фразой посвящение же тринадцать наборных строк! Надо сказать, что вообще это отступление, занимающее всю 1-ю главу третьей книги и представляющее эпиграммично о Л. Диксице В. Выходящем и др., не вызвало никаких художественных поводов, кроме одного: усилением гротескности комментировать палящую содержательность романа.

«Похожденных» нельзя считать окончательно неудавшимся романом: в начале войны значительно интереснее прочит. Прозаичес

ДОБРОЛЮБОВСКИЕ ДНИ В ЛЕНИНГРАДЕ

Ленинградская общественность усердно готовится к проведению добродлюбовских дней.

Большое участие в подготовке к юбилею знаменитого критика принимает ЛенСОСЛ.

7 февраля в большом конференц-зале Академии наук состоится торжественное заседание, посвященное памяти Добролюбова.

Государственный институт искусствознания проводит 7 февраля в Выбуровском доме культуры открытие выставки.

Ленинградские издательства в связи с юбилеем выпускают несколько книг о Добролюбове и его творчестве.

Общая сборника выйдут из печати в ноябре 1936 г.

Большое место уделяют Добролюбову в литературе художественных журналов.

Портреты Добролюбова Издательство Московского союза советских художников выпускает к юбилею Добролюбова литографированный портрет Добролюбова работы Б. Кустодиева.

Юбилей Добролюбова в Куйбышевском крае Кубышевское крайпротруение ССП разрабатывает летнюю подготовку к столетию со дня рождения Добролюбова.

Народный хор СУХУМ (Наш юмор). В Сухуме организована абхазский народный хор в составе 30 человек.

В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского На этом вечере не было докладов, не было и традиционного выступительного слова.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ЗАПАДЕ

По сведениям московского Литературного агентства, заключающего договоры с зарубежными издательствами, в 1935 г. в Англии вышли следующие книги советских писателей:

«Поход Челюскина» «Безморострой» с предисловием английской писательницы Вильямс Эллис, приезжавшей на первый съезд писателей.

Кроме того, в Англии вышел ряд книг по социально-экономическим вопросам: «Новая география СССР».

В Чехословакии вышли из печати I и II части романа В. Иванова «Пожождения факра».

В известном чешском поэте Хор превел том стихов В. Пастернака

Орденосцы транспорта у драматургов

Драматическая союзу советских писателей наметила ряд встреч с известными людьми нашей страны.

Об этом свидетельствует уже первый из цикла этих вечеров — встреча с орденосцами социалистического транспорта (26 января).

Т. Кузь (нач. политотдела Ртн-шевского района Раз.-Уральск ж. д.), машинист Беляев, профессор Образцов, председатель ЦК союза железнодорожников Т. Воронцов, Матусевич (нач. строительства Забайкальско-Уссурийской ж. д.) и другие.

Вечер П. Антокольского На этом вечере не было докладов, не было и традиционного выступительного слова.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

«Лирика». Вышла «Охранная грамота» В. Пастернака.

В вечернем выпуске пражской газеты «Чешское слово» печатаются очерки Эль-Региста «На скамье в Арктику».

На чешский язык переведены детские книги «Горы и люди», «10.000 почему», «Черное и белое», М. Ильина и «Жизнь Илюстрина старшего» Таки Одука.

В театрах Чехословакии поставлены пьесы советских авторов: «Архистраты» Н. Подогина (деятель театр Д-36), «Дорога цветов» В. Катаева, «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, «Укрощение мистера Робинсона» В. Каверина, «Портрет» А. Афиногенова и «Чужой ребенок» В. Шваркина.

Принят к постановке в 1936—37 г.: «Далеко» А. Афиногенова, «Платон Кретет» А. Корнейчука, «Воскресение» Р. Раскольникова (по роману Л. Толстого), «Сенданы» К. Фина и «Чудесный слух» В. Киршиона.

Крупнейшее издательство Америки «Мак Милан» выпустило «Поход Челюскина». Кроме того, в Америке вышли «Безморострой», «Капитальный ремонт» Л. Соболева, «Портреты и лампочки» К. Радека, «Черный конус» А. Виноградова, «Наука и просвещение» Пижневича и «Единная транспортная сеть Советского Союза» Т. Шваркина.

В Париже вышли: «Поход Челюскина», «Сеть» Л. Левова, «Горы и люди» М. Ильина и «Новая география СССР» Михайлова.

С особым интересом советские читатели выслушали выступление П. Пашковского, проведенное четыре года на Дальнем Востоке.

Все собрание стояло долго и горячо приветствовало П. Пашковского как одного из тех замечательных людей, о которых так рассказывает столь блестяще.

В результате этих встреч, как правильно указал в своем заключительном слове Т. В. Киршин, художники еще большей конкретности постигнут все величие дел, творящихся на нашей родине, и это не может не оказать благотворного влияния на всю его творческую деятельность.

И. РОЩИН.

Вечер П. Антокольского На этом вечере не было докладов, не было и традиционного выступительного слова.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Вечер П. Антокольского В читальном зале библиотеки им. Ленина только шестер переборачиваемых страниц нарушает тишину.

Рисунок Ф. Мазерелла к «Жан-Кристофу» Ромэн Роллана

ИЗДАНИЯ РОЛЛАНА

ЛЕНИНГРАД (Наш юмор). Директор Ленинолитиздата М. А. Орлов сообщил нашему корреспонденту данные о новых изданиях книг великого французского писателя.

В 1936 г. будет завершено издание собрания сочинений Ромэн Роллана, начатого издательством «Время».

В 1936 г. будет завершено издание собрания сочинений Ромэн Роллана, начатого издательством «Время».

В 1936 г. будет завершено издание собрания сочинений Ромэн Роллана, начатого издательством «Время».

В 1936 г. будет завершено издание собрания сочинений Ромэн Роллана, начатого издательством «Время».

В 1936 г. будет завершено издание собрания сочинений Ромэн Роллана, начатого издательством «Время».

В 1936 г. будет завершено издание собрания сочинений Ромэн Роллана, начатого издательством «Время».

В 1936 г. будет завершено издание собрания сочинений Ромэн Роллана, начатого издательством «Время».

В 1936 г. будет завершено издание собрания сочинений Ромэн Роллана, начатого издательством «Время».

В 1936 г. будет завершено издание собрания сочинений Ромэн Роллана, начатого издательством «Время».

В 1936 г. будет завершено издание собрания сочинений Ромэн Роллана, начатого издательством «Время».

В 1936 г. будет завершено издание собрания сочинений Ромэн Роллана, начатого издательством «Время».

В 1936 г. будет завершено издание собрания сочинений Ромэн Роллана, начатого издательством «Время».

В 1936 г. будет завершено издание собрания сочинений Ромэн Роллана, начатого издательством «Время».

АРХИВ ЛАЗАРЕВСКОГО

В Горьковский краевой архивное управление передано недавно найденный архив В. М. Лазаревского.

В архиве есть письма И. Тургенева, Н. Некрасова, Т. Шевченко, копии писем Герцена, фотографии Некрасова и Шевченко с автографами и т. д.

Большой интерес представляет дневник В. М. Лазаревского, охватывающий период царствования Николая I и Александра II.

Приводим одну запись из дневника: «21 декабря 1869 г. Смердяня Некрасов сообщил мне чрезвычайно любопытные сведения о Тургеневе».

Тургов порочилась сестра, но все-таки я не думаю, что Некрасов представит эдакое свидетельство: он опять просит 1500 рублей.

Здесь же в дневнике, рукою Лазаревского переписано одно «кромольное» стихотворение П. Г. Шевченко:

«Свите ясный, свите тихий, Вильный, не сповийтай. За шюжь тебе одурено, Кадими окурено Багринами укрито И свитым христом добито...»

После стихотворения Шевченко следует такая запись В. Лазаревского: «Как-то однажды гуляя мы ушли по Неве, Шевченко, я и брат Мух. Мать, Зашиня в озери...»

Политични где-то у меня, да не найду. Кстати, когда Шевченко сидел в крепости перед отправлением в ссылку, то на полях какой-то книги, данной ему для чтения, он написал много стихов, отрезав эти листы и вынес в сапоге, и при прощании передал брату Михаилу Матвеевичу, который лая их на сохранение мне.

Кроме того Лениноградские писатели вносят на рассмотрение соответствующих инстанций предложения по ознакомлению пушкинского столетия. В частности, писатели предлагают новый памятник Пушкину, который на строже Васильевского острова (напротив здания быв. фойерной башни, между знаменитыми ресторанными колоннами), а Университетскому набережную переименовать в Набережную Пушкина.

Посаолением ЦИК Армения в Эривани образована пушкинская юбилейная комиссия под председательством поэта Е. Чаренца.

Юбилейное собрание сочинений М. Шагиняна Гослитиздат выпускает юбилейное собрание сочинений Марьятты Шагиняна, охватывающее 30 лет работы писательницы.

Первому тому предпослали вступительная статья А. Селивановского и большая автобиография М. Шагиняна «Мировоззрение и мастерство».

Во втором томе — «Своя судьба», «Перемена» и «Быль».

В третьем томе напечатаны романы «Приключения дамы из общества», «Янки в Петрограде» и первая часть трилогии «Месс-Менд».

Четвертый том составят II и III части трилогии «Месс-Менд» — «Плюри Лен, металлист» и «Дорога в Бард».

Пятый том — «Книга путешествий», он объединит две эпохи: «Советское Закавказье» и «Таина трех бумаж».

Романы «КНИ» и «Гидроцентральный» для детей, рассказы и обширный библиографический указатель работ М. Шагиняна и критических статей о ней.

В седьмом томе, озаглавленном «Философия культуры», — статьи публицистика, философия: «Семь разговоров», «Путешествие в Веймар», «Новый быт и искусство», «Уильям Коллингс», «Литературный дневник», «Литература и план», «Беседы об искусстве» и т. д.

В «Антологии» должны быть включены не только лучшие, но и наиболее типичные образцы очерка, типичные для определенного периода. Нельзя, например, обойти такие очерки 1918 года, как «Год с винтовкой и плугом» А. Толстого, восхвавшие Владимира Ильича.

Президиум ССП принял решение о подготовке к 20-летию Октября собрания лучших образцов советского очерка за 20 лет. Редакция книги поручена тт. С. Третьякову, В. Бобринскому и В. Перцову. Книга выйдет в Гослитиздате.

Советский очерк знает такие произведения, как «Онкисер» Ларисы Рейснер, как «Собачья жизнь» и «Сквозь переплетенье очей» Сергея Третьякова, как «Мечта» Бориса Агапова. Среди лучших произведений советской литературы можно назвать ряд очерков книги, сделанных эпоху: «Чапаев» Фурманова, «Кара-Бугаз» Паустовского, очерки Пришвина и Колычева.

Можно с уверенностью сказать, что собрание лучших очерков за 20 лет — не только русской, но и украинской, белорусской, грузинской советской литературы — позволит познать реальное значение и силу этого жанра.

НОВЫЕ КНИГИ

Советская литература С. Мстиславский. Откровенные рассказы полковника Платона о знаках и даже рожденьях. 298 стр., цена 3 р. 60 к. Москва, Гослитиздат.

А. Новиков-Прибой. Цусима. Книга I, исправленная и дополненная. 416 стр., цена 1 р. 60 к. Москва, Гослитиздат.

А. Новиков-Прибой. Цусима. Книга II, исправленная и дополненная. 387 стр., цена 1 р. 60 к. Москва, Гослитиздат.

И. Панкратов. Начало одной жизни. 95 стр., цена 1 р. 75 к. Иваново, Областное издательство.

А. Глоба. Песни народов СССР. Издание 2-е, дополненное. Илл. В. Фаворского. 366 стр., цена 5 р. Москва, Гослитиздат.

А. Лаврентьев. Жар-птица. Стихи. 70 стр., цена 2 р. 50 к. Ташкент, Узгиз.

А. Угаров. Когда цветет вишня. Стихи. 60 стр., цена 1 р. 25 к. Киев, Держгизлитиздат.

А. Фарбер. Наша молодость. Стихи. 104 стр., цена 2 р. 75 к. Харьков, Держгизлитиздат.

«Молодая Грузия». Повесть и проза. Сборник произведений молодых писателей ССР Грузии. 255 стр., цена 4 р. 75 к. Москва, «Молодая гвардия».

Классики В. Королонко. В дурном обществе. Повесть. 93 стр.; цена 1 р. 25 к. Москва, Гослитиздат.

В. Королонко. История моего современника. Редакция и комментарии С. В. и Н. В. Королонки и А. Л. Крыженица. Книга II, цена 6 р. 65 к. Москва, Гослитиздат.

А. Пушкин. Полное собрание сочинений в 6 томах. Издание 3. Том III. Драм. Впервые. Издание 3. Том III. Драм. Впервые. Издание 3. Том III. Драм. Впервые.

В. Васильев. Облик дня. Повесть-репортаж. Перевод с польского. Е. Гошаго. Предисловие С. Людкевича. 223 стр., цена 3 р. Москва, Гослитиздат.

Абхазские сказки. С предисловием А. Ханба. Вступ. статья И. Мецашвили и В. Кукба. Илл. А. Чачба. XII, 223 стр., цена 5 р. Сухум, Абннн.

Ино-Хом. Хангайские героические песни и легенды в обработке И. Н. Елизарова. Предисловие и комментарии И. Павлова. Редактор Е. Блинова. Илл. Ю. А. Иванова. 143 стр., цена 3 р. Свердловск, Свердловгиз.

Детская литература А. Бонди. Моя школа. Автобиографическая повесть для детей среднего и старшего возраста. Издание 2-е дополненное. Рисунки Н. Травнина. 213 стр., цена 3 р. Свердловск, Свердловгиз.

И. А. Гончаров. Обломов. Редакция, послесловие и комментарии Л. Успенского. Школьная серия. Классиков. 551 стр., цена 4 р. 90 к. Москва, Детгиз.

С. Михалков. Огород. Стихи для дошкольников. 16 стр., цена 60 к. Москва, Детгиз.

А. Новиков-Прибой. Цусима. Авторская переработка для детей старшего возраста и подростков. Илл. Ю. Р. Нисского. 436 стр., цена 6 р. 50 к. Москва, Детгиздат.

Н. Пospelова. Детский сад и сельские. Листы для вырезывания и склеивания. Для старшего дошкольного и младшего школьного возраста. Рисунки Н. Ушаковой. Цена 1 р. 50 к. Москва, Детгиздат.

А. С. Пушкин. Сказка о рыбаке и рыбке. Илл. Илл. В. Кошачева. 16 стр., цена 2 р. 25 к. Москва, Детгиздат.

КНИГИ В ГРАНКАХ ★ Институт русской литературы Академии наук СССР выпускает обширную библиографию «Труды академика А. В. Луначарского по литературе и искусству за 1902—1934 гг.»

АРХИВ ЛАЗАРЕВСКОГО

В Горьковский краевой архивное управление передано недавно найденный архив В. М. Лазаревского.

В архиве есть письма И. Тургенева, Н. Некрасова, Т. Шевченко, копии писем Герцена, фотографии Некрасова и Шевченко с автографами и т. д.

Большой интерес представляет дневник В. М. Лазаревского, охватывающий период царствования Николая I и Александра II.

Приводим одну запись из дневника: «21 декабря 1869 г. Смердяня Некрасов сообщил мне чрезвычайно любопытные сведения о Тургеневе».

Тургов порочилась сестра, но все-таки я не думаю, что Некрасов представит эдакое свидетельство: он опять просит 1500 рублей.

Здесь же в дневнике, рукою Лазаревского переписано одно «кромольное» стихотворение П. Г. Шевченко:

«Свите ясный, свите тихий, Вильный, не сповийтай. За шюжь тебе одурено, Кадими окурено Багринами укрито И свитым христом добито...»

После стихотворения Шевченко следует такая запись В. Лазаревского: «Как-то однажды гуляя мы ушли по Неве, Шевченко, я и брат Мух. Мать, Зашиня в озери...»

Политични где-то у меня, да не найду. Кстати, когда Шевченко сидел в крепости перед отправлением в ссылку, то на полях какой-то книги, данной ему для чтения, он написал много стихов, отрезав эти листы и вынес в сапоге, и при прощании передал брату Михаилу Матвеевичу, который лая их на сохранение мне.

Кроме того Лениноградские писатели вносят на рассмотрение соответствующих инстанций предложения по ознакомлению пушкинского столетия. В частности, писатели предлагают новый памятник Пушкину, который на строже Васильевского острова (напротив здания быв. фойерной башни, между знаменитыми ресторанными колоннами), а Университетскому набережную переименовать в Набережную Пушкина.

Посаолением ЦИК Армения в Эривани образована пушкинская юбилейная комиссия под председательством поэта Е. Чаренца.

Юбилейное собрание сочинений М. Шагиняна Гослитиздат выпускает юбилейное собрание сочинений Марьятты Шагиняна, охватывающее 30 лет работы писательницы.

Первому тому предпослали вступительная статья А. Селивановского и большая автобиография М. Шагиняна «Мировоззрение и мастерство».

Во втором томе — «Своя судьба», «Перемена» и «Быль».

В третьем томе напечатаны романы «Приключения дамы из общества», «Янки в Петрограде» и первая часть трилогии «Месс-Менд».

Четвертый том составят II и III части трилогии «Месс-Менд» — «Плюри Лен, металлист» и «Дорога в Бард».

Пятый том — «Книга путешествий», он объединит две эпохи: «Советское Закавказье» и «Таина трех бумаж».

Романы «КНИ» и «Гидроцентральный» для детей, рассказы и обширный библиографический указатель работ М. Шагиняна и критических статей о ней.

В седьмом томе, озаглавленном «Философия культуры», — статьи публицистика, философия: «Семь разговоров», «Путешествие в Веймар», «Новый быт и искусство», «Уильям Коллингс», «Литературный дневник», «Литература и план», «Беседы об искусстве» и т. д.

В «Антологии» должны быть включены не только лучшие, но и наиболее типичные образцы очерка, типичные для определенного периода. Нельзя, например, обойти такие очерки 1918 года, как «Год с винтовкой и плугом» А. Толстого, восхвавшие Владимира Ильича.

Президиум ССП принял решение о подготовке к 20-летию Октября собрания лучших образцов советского очерка за 20 лет. Редакция книги поручена тт. С. Третьякову, В. Бобринскому и В. Перцову. Книга выйдет в Гослитиздате.

Советский очерк знает такие произведения, как «Онкисер» Ларисы Рейснер, как «Собачья жизнь» и «Сквозь переплетенье очей» Сергея Третьякова, как «Мечта» Бориса Агапова. Среди лучших произведений советской литературы можно назвать ряд очерков книги, сделанных эпоху: «Чапаев» Фурманова, «Кара-Бугаз» Паустовского, очерки Пришвина и Колычева.